

Annotation

Испокон веков между оборотнями кошачьего и волчьего кланов царит если не открытая вражда, то стойкая неприязнь. У них разные традиции, различные взгляды на жизнь, и даже их боги-покровители далеко не всегда ладят друг с другом. Однако, когда один из волков дает обет служения кошачьей богине в обмен на помощь в порученном ему деле, Бас, чистокровной кошке, приходится взять на себя данное богиней обещание. К чему это приведет? Одна луноликая Иллари знает. Но не зря говорят, что пути богов неисповедимы. И то, что поначалу кажется наказанием, однажды может превратиться в победу, разделенную на двоих.

* * *

Александра ЛисинаПролог

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Александра Лисина

Бас. Любимица Иллари

Пролог

Не будите кошку спозаранку – первое правило, которое следует усвоить всем, кто не хочет остаться без головы. Но один самоубийца в моем окружении все-таки нашелся, да еще рискнул стащить с меня одеяло, когда на улице даже толком не рассвело.

– Бас... родная, просыпайся, – интимно прошептал хрипловатый мужской голос. Жаль, что его обладатель мудро остался вне досягаемости моих длинных и временами когтистых рук. – Ба-а-ас... открой глаза, ты нужна мне для очень важного дела-а.

– Иди в бездну, Ниал! – рыкнула я, сворачиваясь клубком и не намереваясь вставать раньше полудня. Но «самоубийца» не ушел. Более того, взял гусиное перышко и принялся легонько щекотать мои голые пятки. Долго так, настойчиво...

Я сперва поджала ноги под себя. Затем уползла на другой край кровати. Лягнулась. Снова рыкнула. А когда стало ясно, что от меня не отстанут, неохотно села и, откинув с лица растрепанную черную челку, мрачно уставилась на стоящего в дверях негодяя.

– Ниал, ты рискуешь остаться без хвоста!

– Прости, моя прекрасная леди, но дело не терпит отлагательств, – повинился «самоубийца», смиренно склоняя бритую голову и молитвенно складывая руки на груди. Из одежды на нем были только свободные шелковые шаровары и длинная, доходящая до колен, бесстыдно распахнутая спереди белоснежная туника, которая открывала прекрасный вид на широкую, лишенную всякой растительности грудь и подтянутый живот.

Гость был уже немолод, но все еще силен, на редкость хорош собой и весьма искусен в любовных играх. А еще он был оборотнем. Если точнее, котом. Горным. Высоким, смуглокожим, мускулистым и весьма соблазнительно смотрящимся в небрежно наброшенном на плечи жреческом одеянии.

Раздетым он, правда, нравился мне гораздо больше, но, видимо, в храме и впрямь случилось нечто из ряда вон выходящее, раз его настоятель не только вырядился в торжественные белые одежды, но и посмел разбудить меня раньше времени.

– Ты позволишь? – едва заметно улыбнулся Ниал, и в его руках, как по мановению волшебной палочки, появился такой же шелковый, только черный с золотым шитьем, халат.

Я пригладила короткие волосы и вздохнула.

Ночь без преувеличения была великолепной. Как и предыдущие сто ночей, которые я провела в этой постели и именно с этим мужчиной. Ниал оказался хорош во всем – страстный, гибкий, выносливый... жаль, конечно, что надолго выходить за пределы храма ему не позволено. Но, на его счастье, соблюдать целибат богиня Кхеметт[1] своих служителей не обязывала, так что, оставаясь преданным ее жрецом, Ниал не был лишен радостей жизни. И я этим нагло пользовалась.

– Что случилось? – проворчала я, неохотно выбираясь из постели и поворачиваясь спиной, чтобы любовник мог набросить халат.

– У нас гости, – кратко сообщил жрец. – Они пришли к богине за помощью.

– Ну и ладно. Мне-то какое дело?

– Они очень настойчивы.

– Ну и пусть настаивают дальше, – нахмурилась я, запахивая полы халата и

поворачиваясь к жрецу. – Неужто ты только из-за них разбудил меня посреди ночи?

– На этот раз у нас непростые гости, Бас, – тихо сообщил Ниал, отводя глаза. – Сегодня в храм нагрянули волки. И я думаю, тебе стоит на них посмотреть.

Глава 1

Волки... Не могу сказать, что наши виды открыто враждуют, но все же лохматые – довольно сложное в общении племя. Они гораздо сильнее, крупнее и агрессивнее нас. Предпочитают держаться вместе, тогда как мы по натуре одиночки. Живут чаще стаями: либо с себе подобными, либо с людьми, которых тоже иногда признают за членов стаи. Бесконечно с кем-то воюют. Куда-то стремятся, спешат, суетятся. Испокон веков испытывают тягу к всевозможным железкам, весьма неплохо умеют с ними управляться. Соответственно, слывут прекрасными воинами, и если кому-то служат, то служат на совесть. В том числе и поэтому в людских землях волков ценят выше нас.

Конечно, нельзя утверждать, что они – полная наша противоположность, но мы действительно очень разные. И лично я не люблю волков. А уж в храме исконно нашей богини делать им совершенно нечего.

Прошлепав босыми ногами по каменному полу, я выбралась из комнаты и следом за Ниалом потопала в сторону главного зала.

В королевстве Арания, а точнее, в ее столице, куда меня занесло три с небольшим месяца назад, храм богини Кхеметт был один-единственный. Да и вообще в мире, который мы называли Олмор, их было построено очень немного. Не такая уж значимая наша Кхеметт, чтобы в каждом населенном пункте ей отстраивали по святилищу, как, скажем, верховной богине Иллари или ее божественному супругу Роттару. Если уж совсем точно, то Кхеметт относили к категории младших богов. Зато она была единственной в своем роде. Богиня-кошка. И именно поэтому волкам было делать нечего возле ее алтаря.

Главный зал встретил нас тишиной и прохладой. Он был не очень велик – всего-то с купальню захиточного купца. Довольно скромно отделан. Погружен в вечный полумрак. И лишь две полыхающие огнем чаши у входа освещали стоящую в центре статую величественной и прекрасной Кхеметт.

Впрочем, прекрасной ее называли исключительно жрецы и те, кто ей поклонялся, а остальные обращались просто по имени. Это, к слову, не возбранялось – наши боги не требовали особых почестей и спокойно относились к вопросу чужих предпочтений. Хочешь – поклоняйся одному богу. Хочешь – сразу десяти. А хочешь – ни в кого не верь и барахтайся по жизни самостоятельно, надеясь исключительно на свои силы.

Так вот, Кхеметт...

Остановившись при входе, я окинула статую быстрым взглядом и мысленно вздохнула.

Сколько раз тут бывала, но внешний вид богини и сейчас вызывал у меня противоречивые чувства. Ростом почти до потолка и изваянная из черного камня, Кхеметт выглядела как женщина, к плечам которой кто-то из озорства приделал кошачью голову. Стройное женское тело – и вдруг звериная морда с торчащими на макушке треугольными ушками. Изящная фигура, а сверху – пуговка звериного носа и длинные кошачьи усы. Понятно, что люди пытались изобразить Кхеметт сразу в двух ипостасях, но все же было в этом что-то неестественное. Порой даже пугающее. Как по мне, лучше бы ей нарисовали два лица, по одному на каждую ипостась, но народу, как ни странно, нравилось. К тому же тщательно отполированный камень придавал статуе загадочный блеск. В золотых глазах играли блики от зажженных неподалеку чаш. Обведенные такими же золотыми линиями губы были плотно сомкнуты и казались поджатыми... но это сейчас, в темноте. А поутру, когда на них попадали первые солнечные лучи, игра света и тени создавала весьма правдоподобную иллюзию усмешки.

М-да. Но такова уж наша кошачья натура: коварная, двойственная и многим непонятная. И такова же кошачья богиня – милосердная и одновременно жестокая, своенравная и непостоянная, как море.

У подножия статуи, как и сказал Ниал, стояли гости. Трое оборотней в дорожной одежде, при виде которых мне захотелось скривиться. Двое волков постарше и, судя по густым пепельно-серым гривам, из породы лесных. Третий, помельче и помоложе, с явственной рыжиной в коротких вьющихся волосах – это однозначно степной. Лидер боевой тройки – проще говоря, вожак в этой маленькой стае – стоял на полшага ближе к изваянию и в этот самый момент очень внимательно его изучал. Но стоило нам с Ниалом появиться на пороге, как он тут же повернул голову и втянул ноздрями сухой воздух.

«Ого. Ка-а-акой самец», – мельком отметила про себя я, в свою очередь рассматривая насторожившегося волка.

Лет сорока, в самом расцвете сил, рослый и широкоплечий, он и впрямь производил впечатление. Его длинные волосы серебрились в полумраке ранней сединой и были стянуты на затылке в хвост, открывая могучую шею. Кожа в уголках глаз собралась в едва заметные морщинки, когда оборотень оценивающе прищурился. Тонкие губы при виде меня неприязненно поджались. Однако бесстрастное выражение на неподвижном, словно вырубленном из камня лице ничуть не поменялось, когда я бесшумно шагнула в его сторону, а полы моего халата с готовностью разошлись, ненароком продемонстрировав всем присутствующим полоску обнаженной кожи.

Ну да, полоска оказалась довольно большой. Считаю, от шеи до самого паха, едва прикрытого двумя ленточками шелкового пояса. Да еще и бедро оголилось. Сперва одно, затем другое, показывая замершим волкам все то, что не так давно имел счастье лицезреть насмешливо хмыкнувший за моей спиной кошка. Неудивительно, что молоденький степной отчетливо побагровел, а лесной, который второй, коротко стриженный, с ухоженной бородкой, неодобрительно фыркнул.

Но мне было наплевать. Стесняться себя и других я разучилась так давно, что этого уже даже не помню. А стыдиться тут и вовсе было нечего. Красивое тело – повод для гордости, а не для смущения. Так что пускай смотрят. Хотя для таких поборников морали, как лохматые, мое появление было не столько вызовом, сколько оскорблением.

Когда мы подошли, на хищной физиономии вожака не дрогнул ни один мускул, и ничто в его облике не показало, насколько неприятна ему моя выходка. Возвышаясь над нами почти на голову, он казался огромной скалой, готовой вот-вот обрушиться на мою растрепанную макушку. А глаза у него оказались светло-серыми. Внимательными. И с какими-то подозрительными огнями в глубине.

– Что привело вас в обитель богини? – мягко поинтересовался Ниал, остановившись по правую руку от меня.

Вожак молча протянул запечатанный сургучом свиток.

Жрец без особых угрызений совести сломал печать, развернул свиток и, пробежавшись по нему глазами, хмыкнул:

– Неожиданно... чтобы владыка Эйлинон вдруг решил попросить о помощи?

Я наострила уши.

Это что же, посланники от друидов пожаловали? Сами «зеленые» из северных лесов вылезать не любили, а вот наемников с поручением отправить очень даже могли. Это, в свою очередь, означало, что какая бы проблема у них ни возникла, она была довольно серьезна, раз владыка рискнул написать. Но являлась не настолько грандиозной, чтобы кто-то из его драгоценных подданных утруждал ножки, добираясь через полстраны до столицы Арании – Арги.

– И что же вы от нас хотите? – перечитав послание дважды, поднял глаза от свитка Ниал.

Сероглазый вожак едва заметно скривился:

– Хотим не мы, а тот, кому мы служим.

– И правда, – снова усмехнулся Ниал. – Чего это я глупость сморозил... значит, вам нужен кто-то из баскхов[2]?

– Нам нужен тот, кто носит имя Бас, – ровно отозвался волк. – Ради этого разумного мы проехали через полстраны. И по-моему, владыка изложил свое пожелание достаточно четко, чтобы у вас не возникло дополнительных вопросов.

Надо же, какой колючий. Прямо и пошутить нельзя. Интересно, зачем я понадобилась Эйлинону?

– Читай, – словно услышав мои мысли, бросил жрец и под напряженными взглядами волков протянул злополучный свиток мне. Нимало не смутившись, я лихо его развернула и, пробежав глазами, фыркнула:

– Фу... как официально и скучно. Мог бы и расщедриться на парочку комплиментов. Да еще эти гнусные намеки на наше давнее сотрудничество... По-моему, они граничат с наглостью, Ниал. Имей в виду, я не собираюсь никуда ехать! Я всего три месяца как осела в столице и в ближайший год не планирую отсюда сниматься.

Волки одновременно дернулись, начав догадываться, кого именно должны сопровождать в северные леса, а жрец со вздохом повернулся:

– Прекрасно тебя понимаю, драгоценная. Поверь, я очень ценю твое внимание и даже рискнул бы предложить замену, но игнорировать просьбу владыки Эйлинона будет не слишком-то вежливо. А из представителей твоего вида в столице больше никого нет.

Это правда. Города мы не любим, а большие города особенно. Разве что в холода порой тянемся к горячему очагу, чтобы всласть поспать в тепле и покое. А потом, когда сойдет снег, снова уйти в леса. Но до первых заморозков еще далеко – чай, середина лета, поэтому раньше чем через три-четыре месяца баскхи в столице не объявятся, так что владыке Эйлинону не повезло.

– Я друидам ничего не должна, – буркнула я, возвращая жрецу свиток.

– Бас...

– И тебе не должна тоже, – на всякий случай напомнила я, когда кот снова вздохнул и попытался заглянуть в мои бесстыжие глаза. То, что мы делили постель, не означало, что я прям сорвусь с места и со всех ног побегу к друидам на помощь. Фигушки. Я не для этого сюда приехала, и Ниал прекрасно об этом знал.

– Неужели тебе не хочется заглянуть в гости к владыке? – попытался зайти с другой стороны жрец.

Я снова фыркнула и отвернулась.

– Развлекаться с «зелеными» – так себе удовольствие. Они занудные до безобразия. И шуток не понимают. Так что нет, Ниал, не хочу.

– А как насчет того, чтобы навестить старых друзей, пообщаться с местными магами, заодно обновить свои амулеты...

– Мне пока не к спеху.

– Эйлинон наверняка хорошо заплатит за помощь, – вкрадчиво предположил настоятель. – Знаешь, сколько у него диковинок хранится в сокровищнице?

– Знаю. Но он толком не объяснил, что у них произошло и какого рода помощь от меня требуется. Если бы в северных лесах вдруг запахло жареным, он прислал бы сюда кого-нибудь поблазнительнее, чтобы уж наверняка вызвать мой интерес, – проворчала я, решительно направляясь обратно в спальню. – К сожалению, заинтересовать меня ему не удалось, так что я иду спать. А ты делай с гостями что хочешь.

– Милая, ну зачем ты так? – укоризненно протянул кот, не спеша, впрочем, следом.

Но я не обратила внимания и, демонстративно зевнув, собралась уйти, прикидывая, как именно накажу бессовестного кота, который посмел разбудить меня из-за такого пустяка. Еще ладно, если бы на пороге храма собственной персоной объявился друид – ему я бы, наверное, не отказала. Но волки... пфф. Эйлинон совсем с ума сошел, если решил отправить сюда лохматых в качестве парламентаров и понадеялся, что его имя поможет нам преодолеть давнюю неприязнь.

Неожиданно по храму словно ветерок пронесся, а затем весь зал без предупреждения осветился яркими золотыми огнями.

Я неверяще обернулась.

Бездна! Это что, шутка?!

Но нет. Похоже, не шутка. Как бы дико это ни выглядело, однако статуя Кхеметт, обычно безмолвная и мрачная, сейчас сияла, словно осененная солнечными лучами! А все потому, что полоумный вожак смиренно опустился перед ней на одно колено и стряхнул на пол щедрую россыпь багровых капель из рассеченного ножом предплечья.

Конечно, у каждого бога свои предпочтения в плане подношений. Кому-то в качестве жертвы достаточно квелой морковки, кто-то предпочитает золото, а некоторым, чтобы откликнуться, надо всего лишь услышать искреннюю молитву. Но даже у оборотней кровь в храмовых ритуалах – крайне редкий ингредиент. И если она проливалась, то это происходило лишь в исключительных случаях.

Самое странное, что волки, кроме солнцеликого Роттара, богов традиционно не признавали. Но и ему в полной мере не поклонялись, молитв и обрядов не совершали, веками жили сами по себе, служили тем, кто мог хорошо заплатить, и были верны исключительно собственным принципам.

И вот теперь один из них решил призвать на свою голову Кхеметт?!

Придурок! Он вообще знает о последствиях?!

Тем временем сероглазый вожак залил подножие озарившейся светом статуи собственной кровью, поднял на богиню-кошку спокойный взгляд и так же спокойно произнес:

– Предлагаю сделку, двуликая. Служба в обмен на услугу.

– Ниал... останови его! – дрогнувшим голосом прошептала я. Но жрец, кажется, не услышал. А всего через миг кровь на полу начала стремительно испаряться. Еще через пару ударов сердца, когда у меня в душе все перевернулось, каменные плиты вновь стали безупречно чисты. Ниал, как верховный жрец нашего маленького храма, засвидетельствовал случившееся таинство. И это, в свою очередь, означало, что обряд завершен, а подношение оборотня действительно принято. Более того, теперь волк имел право требовать от Кхеметт ответную услугу.

– Что ты хочешь? – снова повторил вопрос жрец, когда статуя погасла и зал снова погрузился в полумрак.

Оборотень поднялся с колен.

– Я уже сказал: нам нужна Бас. И ей придется поехать вместе с нами к друидам.

* * *

– Ниал, я тебя убью! – прорычала я, едва жрец показался на пороге спальни. – Ты что творишь, а?! Как ты мог позволить этому дураку начать ритуал?!

Нил примиряюще поднял руки, а когда у меня из-под верхней губы непроизвольно вылезли клыки, на всякий случай отступил на шаг. И правильно: перечить мне сейчас было опасно для жизни.

– Бас, не надо... Служение – дело добровольное, – напомнил кот, мудро остановившись на пороге. – Даже в том случае, если поклясться в верности богине изъявил желание самый обычный волк. Тебе ведь известны правила. Отказать ему я не вправе.

– Да?! А меня подставлять ты вправе?!

Когда мое тело изогнулось в преддверии трансформации, на коже проступила короткая черная шерсть, а из кончиков пальцев снова выстрелили острые когти, Нил тревожно замер.

– Статуя дала четкий знак, – осторожно сказал он, стараясь не шевелиться. – Я подумал... вернее, мне показалось, что все было правильно. В любом случае волк не требовал, чтобы ты отправилась с ним немедленно. Я попробую потянуть время. Скажу, что они не так поняли и здесь нет того, кто им нужен. В конце концов, ты можешь просто отказаться...

– Проклятье! Уже не могу! – выдохнула я, с трудом удерживая беснующегося внутри зверя. За годы нашего, так сказать, совместного проживания мы более или менее научились сосуществовать вместе. Ведь он – это я. Точнее, более агрессивная и импульсивная версия меня. Но бороться с собой, как известно, сложнее всего, поэтому иногда у нас случались разногласия.

Бездна! Да что ж это такое? Уймись! Цыц, кому сказала!

– Бас? – обеспокоенно дернулся жрец, когда из моего горла вырвалось хрипкое рычание, но зверь все же притих. После чего я обессиленно упала на подушки и раскинула в стороны уже вполне человеческие руки.

– Да, это был знак, Нил. Ты прав. Но, бездна, это был знак не для тебя! И не от Кхеметт! Неужели ты не почувствовал разницы?!

– Что-то не так? – внезапно обеспокоился кот и подошел ближе. – Разве я ошибся?

Я устало закрыла глаза:

– Да. И нет. Прости. Это, наверное, не твоя вина. Нас обоих переиграли.

Нил приблизился вплотную и присел на краешек разворошенной постели. Его горячая ладонь накрыла мои сжавшиеся в кулак пальцы, тихонько их погладила, помогая расслабиться. Под его чуткими руками зверь окончательно перестал рваться наружу – этого кота он успел хорошо запомнить. Как его человеческую, так и звериную ипостась. Весьма привлекательную, между прочим, ипостась – горные кошки всегда славились редким сочетанием силы, грации и красоты. Поэтому мой зверь если не признал его, то все же позволил быть рядом. И это было такой удачей, что я не хотела раньше времени ничего менять.

Но теперь, когда сделка заключена, у меня не осталось выбора.

Этой ночью суровая богиня Кхеметт – на этой мысли из моего горла вырвался едкий смехок, – так вот, Кхеметт приняла под свою руку незнакомого оборотня и при свидетелях обязалась оказать ту помощь, о которой он попросил. Проблема заключалась в том, что просил он не для себя, а от лица владыки, чтоб ему пусто было, Эйлинона. Проще говоря, гордый волк был настолько обязан друидам, что по доброй воле пошел в пожизненное услужение к богине-кошке, считая, что это перекроет тот долг, который он успел взять в лесном дворце.

Интересно, чем он был так обязан «зеленым»? И понимал ли, на что подписался? Если нет, то Эйлинону при встрече придется кое-что мне объяснить.

– Бас? – тихо спросил жрец, нависнув надо мной и пытливо заглянув в лицо. – О чем ты говоришь?

Я вздохнула и открыла глаза:

– Нас обманули, Ниал: сегодня ночью от лица Кхеметт сделку заключила другая богиня.

Кот вздрогнул. Но не возразил, не начал спорить – мы, баскхи, будучи прямыми потомками Кхеметт, всегда чувствовали ее настроение и понимали ее знаки лучше кого бы то ни было. Иногда даже лучше, чем жрецы. И я совершенно точно знала, что сегодня Кхеметт не была настроена принимать под свою руку волка без роду и племени, который вздумал шантажировать ее с помощью обряда. Она ни за что не позволила бы сделать то, что сделал он. Не приняла бы от лохматого столь серьезную жертву. Первая ступень посвящения... Не таким должно было быть его служение богине. Видит бездна, совсем не таким. Тем не менее кто-то вмешался в ход ритуала и насильно привязал жизнь волка к Кхеметт, не считаясь с ее мнением.

– Кто это был? – так же тихо спросил жрец, прикусив губу.

– Иллари, кто ж еще? – невесело хмыкнула я. – Только у верховной богини хватило бы наглости вмешаться. И только ей было под силу провернуть такой обман, да еще в присутствии волков. У нас с ней, если помнишь, сложные отношения. А ее слово всегда весило больше, чем слово Кхеметт, поэтому придется подчиниться. Но кто бы знал, как же мне не хочется этого делать!

Жрец бережно поцеловал меня в губы:

– Прости, я не увидел. Не понял.

– Прощаю, – печально улыбнулась я, протягивая к нему руки. – Но ты знаешь, что это означает.

– Я больше тебя не увижу...

– Да, Ниал. Это наша последняя ночь.

– Тогда пусть она будет лучшей, – прошептал кот, склоняясь надо мной и прижимаясь разгоряченным телом. Его пальцы уже ловко развязали шелковый поясок, а затем так же ловко откинули в стороны полы невесомого халата. – Хочу, чтобы тебе было хорошо со мной, Бас. Хочу, чтобы ты меня запомнила.

Я не стала обещать того, чего, скорее всего, не смогу исполнить. Но с

готовностью подалась вперед и, обвив руками крепкую шею кота, прильнула к горячему телу. С наслаждением, с радостью, но, как он и сказал, в последний раз. Не потому, что Ниал меня сегодня подвел. Просто такая у нас, кошек, порода – мы чаще следуем инстинктам, чем голосу разума, не терпим неволи и делаем лишь то, чего по-настоящему хотим. За редким исключением. А еще мы ценим независимость и не имеем привычки возвращаться к тем, к кому не испытываем по-настоящему глубокой привязанности.

Глава 2

Следующим утром волки встретили меня на площади возле храма. Вернее, у коновязи, где терпеливо ждали готовые к дальней дороге лошади. Хорошие, кстати, лошади. Рослые, крепкие, с виду выносливые и сильные. Обычно в присутствии оборотней редкая скотина не проявляет беспокойства, а эти явно были привычны, поэтому стояли смирно. И лишь на мое приближение среагировали тревожным фырканьем.

Ниал меня не провожал – ночью я вымотала его так, что бедный кот даже не проснулся, когда я поцеловала его на прощание. Однако нужные распоряжения он все-таки успел вчера отдать, поэтому в коридоре меня ждал кем-то загодя собранный дорожный мешок, а в трапезной стоял накрытый стол.

Остановившись в двух шагах от настороженно шевелящих ноздрями волков, я оценивающе прищурилась.

На немаленькой площади, где вплотную друг к другу стояло несколько десятков посвященных различным богам храмов, сдвинувшиеся плечом к плечу оборотни смотрелись неуместно. Не столько потому, что были крупнее большинства простых горожан. И не потому, что на их невыразительных мордах застыло угрюмое выражение. Просто вокруг этой троицы витала едва уловимая аура угрозы. Они одним своим видом олицетворяли вызов всем стоящим здесь храмам. Упрямые, несгибаемые, непримиримые. Не зря на них с таким подозрением косились многочисленные прохожие. И не зря старались обходить стороной.

Тем не менее вчерашнее раздражение улеглось, и мне больше не хотелось расцарапать хмурые волчьи физиономии. Но я, пожалуй, не стану рассказывать, каким именно способом Ниал до самого утра вымаливал у меня прощение. Ну и их заодно сумел отмазать, хотя это было нелегко.

Одеты волки, как и вчера, были в простую, но добротную одежду. Короткие сапоги с толстой подошвой, стачанные явно на заказ. Штаны из тонкой ткани, свободные, такие, чтобы и верхом без проблем ехать, и в случае оборота по-быстрому с себя сбросить. Рубахи на удивление чистые, хотя и немного мятые. Поверх рубах – кожаные безрукавки очень схожего кроя. На поясе у каждого виднелось по две пары ножей. А вот ножны с мечами были приторочены к седлам. Там же разместились два котелка и переметные сумки. Не слишком, кстати, большие, в самый раз для неприспособленных путешественников. Меж тем до северных лесов больше двух недель

конного ходу, но, судя по всему, волки не любили обременять себя лишней поклажей: еду ведь можно купить и по дороге или поймать в лесу, а теплых одеял и подушек им тем более не требовалось.

– Похоже, у нас проблема, мальчики, – промурлыкала я, оглядев свое сопровождение. – Кто из вас готов поделиться с леди средством передвижения?

На лице жоака проступило тщательно сдерживаемое раздражение, но увы ему – лошадей мой зверь предпочитал жрать на завтрак, а не протирать им хребет собственным задом, поэтому отношения с копытными у нас обычно не складывались. К тому же за лошадьми надо было ухаживать, чистить, кормить, купать, следить за копытами. По горным тропам они ходили плохо. Летом им было жарко, зимой холодно. Одна морока, короче. По этой же причине я предпочитала передвигаться на четырех лапах, а не на двух, но делать это в городе было не слишком разумно.

– Ита-ак? – проворковала я, когда волки выразительно промолчали. – Мы пойдем в северные леса пешком, отправимся покупать мне лошадь или же обойдемся без экстремальных развлечений?

– Роар, возьми ее к себе, – наконец бросил жоак, так и не соизволивший представиться, после чего отвернулся, взобрался на спину своей коняги и решительно направил ее в сторону западных ворот. Второй волк последовал примеру жоака, а рыженький, тот самый, степной, окинул меня подозрительным взглядом и не слишком приветливо сообщил:

– Леди, вам придется сесть сзади.

Я без промедления ухватилась за протянутую ладонь, больше похожую на лопату. Сжала ее, подпрыгнула, мысленно порадовавшись, что не вырядилась перед дальней дорогой в неудобное платье. Одним махом оказалась на лошадином крупе и, наклонившись вперед, жарко выдохнула в неприкрытую шею оборотня:

– А не боишься подставлять мне спину, мальчик?

Волк ощутимо дернулся, когда мое дыхание пощекотало ему загривок.

– Леди...

– Можешь называть меня Бас, – томно прошептала я, откровенно наслаждаясь ситуацией.

Надо же, какой нервный мальчик. Совсем молоденький, желтоглазый, курносый и даже с крохотными конопушками на явственно порозовевших скулах. Правда, здоровый как лось, раза в полтора меня шире и почти вдвое тяжелее в человеческой ипостаси. Зато он был довольно симпатичным и ужасно мило смущался. А если я его еще и обниму... да, вот так, чтобы ладони сомкнулись на животе, а грудь буквально вжалась в широкую спину...

– Л-леди...

Ой. Он действительно покраснел! Нет, ну надо же какая прелесть! Неужто волчонок мне достался нецелованный?

– Да поехали уже, – чуть не расхохоталась я, милосердно отстраняясь от

побагровевшего парня. – Вон куда твои приятели уже утопали. Еще немного – и не нагоним.

Оборотень смущенно шевельнул ушами и ткнул пятками замершую кобылку. Та всхрапнула, чувствуя себя неудобно в моем присутствии, но запах хозяина действовал на нее успокаивающе. Поэтому, вместо того чтобы взбрыкнуть, скотинка послушно припустила следом за удаляющимися товарками и пристроилась у них в кильватере.

Пока мы ехали к городским воротам, я успела вдосталь похулиганить, то прижимаясь к волчонку всем телом, то игриво щекоча пальцами его живот. Пару раз подышала в шею, едва не куснула за холку, до того рыжик был аппетитным. И так увлеклась, что даже по сторонам смотреть не захотела, да и что я не видела в Арге? Город как город. Стоял тут тысячу лет и еще тысячу простоит без изменений. А где я потом такого чувствительного мальчика найду? И над кем так сладко поизмываюсь?

Не то чтобы он всерьез меня заинтересовал, но доводить его до покрасневших ушей оказалось забавно. Такой неискушенный, милый... так бы и съела. Ням. Даже жаль, что мы слишком быстро добрались до крепостной стены, и всего через полчаса булыжная мостовая под копытами лошадей сменилась на хорошо укатанный тракт, по которому нам предстояло передвигаться еще очень и очень долго.

Выбравшись за пределы столицы, оборотни непроизвольно расправили плечи и жадно втянули ноздрями свежий воздух.

Хорошо-о... Без запаха гари и пыли, без одуряющих ароматов попавшихся на нашем пути пекарен, доносящейся с окраин вони кожевенных мастерских, без назойливого шума многочисленных кузниц и нескончаемого гомона чужих голосов мир был по-настоящему прекрасен. Чистый, яркий, щедро умытый пролившимся под утро дождем. Настоящее чудо, которым я за столько лет так и не разучилась любоваться.

Вскоре после того, как город остался позади, издеваться над ребенком мне расхотелось. Он что-то совсем нервный стал. За руки меня хватать начал. Извертелся весь, изъерзался. Похоже, всерьез решил, что я до него грязно домогаюсь и, как только представится возможность, наброшусь и сожру. Бедняга. Кошачье племя, конечно, любвеобильно и не против разнообразить половые связи парочкой-другой оборотней не своего вида, но все же не настолько мы ненасытные, чтобы бросаться на все, что движется. И вообще, волки не в моем вкусе. К тому же погода стояла замечательная, теплая, несмотря на раннее утро. Делать гадости под щебетание птичек и умиротворяющее жужжание шмелей стало неинтересно. Поэтому я оставила бедного парня в покое и сладко зевнула. А затем, поскольку ночью поспать толком не смогла, обняла вновь напрягшегося волчонка и, склонив голову ему на плечо, задремала.

Угу. Прямо так, в жутко неудобной для человека позе. Но что еще прикажете делать на полупустой дороге, если ехать просто так скучно, пакостить надоело, а разговаривать было лень?

В общем, часа два с небольшим я благополучно продряхла. Расслабилась. Подобрела. А потом меня некстати разбудили. Правда, не для привала, а просто потому, что рыжику внезапно приспичило в кусты.

Я, подумав, тоже туда сходила – чего время терять? А когда вернулась, то решила, что больше не хочу дремать на скользком лошадином крупе. После чего нахально

запрыгнула к опешившему от такого поворота событий рыжику на колени. Деловито на них поерзала, порадовавшись, что обычным седлам с высокими луками лохматые предпочитали плотные попоны, накрытые специально скроенными кусками толстой кожи. Проигнорировала возмущенный рык. На неумелые угрозы показала зубы. И, устроившись поудобнее, вскоре снова уснула. К искреннему изумлению моей новой «грелки» и вящему неудовольствию обоих серых, которых моя несусветная наглость, похоже, поразила до глубины души.

* * *

Во второй раз я проснулась оттого, что почувствовала на себе чужие руки и осознала, что меня довольно аккуратно куда-то несут, а затем почти что бережно укладывают на мягкое. Забота, от кого бы она ни исходила, кошкам всегда приятна, поэтому я тихонько мурлыкнула и потерлась носом о чужую ладонь, тем самым благодаря за беспокойство.

Тот факт, что запах принадлежал вовсе не рыжику, меня совершенно не смутил. Сильный, резкий, отчетливо отдающий лесом и мускусом, он принадлежал уже зрелому оборотню, чей зверь был достаточно уверен в себе, чтобы так смело со мной обращаться. Поскольку сильных мужчин я всегда ценила, то решила позволить волку эту маленькую вольность и уснула в третий раз. А окончательно проснулась лишь ближе к ночи – хорошо отдохнувшей, полной сил и, как водится, голодной.

Сладко потянувшись, я высунула нос из-под наброшенного на плечи плаща, приподняла голову и деловито огляделась.

Так. И где это мы?

Похоже, в лесу. Не особенно далеко от дороги и на приличном расстоянии от ближайшей реки.

Фу, не могли поближе подобраться? Может, кому-то и хватило бьющего на соседней поляне родника, а вот даме следовало умыться и привести себя порядок.

Едой, кстати, не пахло. Значит, даме еще и охотиться придется, потому что хлебом мой зверь точно не наестся, а мясо я с собой умышленно не взяла – трудно сосредоточиться, когда ноздри то и дело дразнит аромат умело зажаренной курицы. Неудобно. Отвлекает. Будоражит воображение.

Кстати, а где мои провожатые?

Ага, вижу. Рыжик, утомившись за день, без задних ног дрыхнет под деревом, намеренно или случайно устроившись так, чтобы оказаться от меня как можно дальше. Бедняжка. Совсем я его запугала.

Один из серых нашелся под соседним деревом, где сидел, прислонившись спиной к стволу и старательно притворялся спящим. Его демонстративно сложенные на груди руки выглядели ужасающе сильными. Грубоватое лицо казалось обманчиво расслабленным. Спутанные волосы, остриженные почти так же коротко, как у

степного, нахально лезли в глаза. Из-под верхней губы виднелись кончики острых клыков. А цвет его глаз я успела рассмотреть еще утром – такие же серые, как у дурака, принесшего вчера клятву служения нашей богине. Только, в отличие от вожака, в волосах этого волка пока не появилось ни одного седого волоска. Да и выглядел он, несмотря на внешнюю мощь, далеко не так угрожающе.

А вот самого вожака поблизости не было. Гуляет? Охотится? До ветру пошел?

Я потянула носом воздух.

Костер они сегодня не разводили. Чем ужинали, тоже непонятно – или все сожрали, поэтому запаха не осталось, или же спать ложились на голодный желудок, что для оборотней вообще-то бесполезно.

Я задумчиво ковырнула пальцем брошенную на землю попону, на которой так сладко спалось, а затем перевернулась на живот, вытряхнула себя из одежды и, слившись с темнотой, скользнула прочь, постаравшись сделать это как можно тише.

Отлично. Серый так и не открыл глаз, а оставшаяся в лагере одежда какое-то время сохранит мой запах. Встревожиться волк не должен. А пока он дремлет, я как раз успею добежать до реки, перекусить, умыться и вернуться до того, как он поднимет тревогу.

Удалившись от лагеря на приличное расстояние, я с удовольствием встряхнулась и перешла на бег.

Надо сказать, в звериной форме мир воспринимается иначе, чем в человеческой. Более четко, ярко и полно, что ли? Кошачьи лапы гораздо лучше подходят для быстрого и незаметного перемещения по лесу, чем ноги. Становятся в разы острее зрение, обоняние, слух. Опять же, густой мех оберегает и от дождя, и от холода, и от шальной стрелы. Мощное тело похоже на туго сжатую пружину и порой аж звенит от бурлящей внутри силы. Хочется уже не бежать – стремглав лететь сквозь ночь, пугая ее хищными огнями в глазах и голодным оскалом.

Впрочем, сегодня мой зверь не стремился взять верх – устал, сволочь мохнатая. Я уже давно не давала ему воли, а тут такой подарок – зрелый кот, с которым можно не сдерживаться и который почти равен мне по силам. Зверь-то устал, да. Что называется, наигрался. А вот жрецу еще пару недель придется сводить с тела не только синяки, но и следы когтей и зубов, которых мой дорвавшийся до свободы кошак оставил на нем немало.

Само собой, умышленно поранить я никого не старалась, однако это один из неизбежных минусов нашего существования. Мы в любой форме остаемся импульсивными, кровожадными и опасными. А если потеряем контроль над звериной ипостасью, то становимся опасными вдвойне. Причем чем сильнее зверь, тем сложнее его удерживать. Тем сильнее довлеют над нами инстинкты. И тем выше угроза, что в один прекрасный день вторая ипостась выйдет из-под контроля.

Мне, можно сказать, повезло – со своим зверем я договорилась. Днем он чаще всего спал. Ночи я, наоборот, старалась отдавать в его полное распоряжение. И только в брачный сезон уходила далеко-далеко в горы, подальше от живых, потому что находиться рядом со мной в такое время было по-настоящему опасно.

Безошибочно отыскав затерявшуюся в лесу крохотную речушку, я спустилась к воде

и, припав на передние лапы, с наслаждением напилась. В потревоженной водной глади мелькнули белоснежные клыки и хищно прищуренные желтые глаза, а затем по воде пробежала короткая рябь. Сгустившаяся вокруг меня темнота ненадолго расступилась. И вот уже вместо страшноватой звериной морды в реке отразилась мокрая, сыто жмурящаяся человеческая мордочка в обрамлении коротко стриженных, абсолютно прямых и изрядно встрепанных волос.

Забавно, да?

Сколько лет живу, а все равно не могу понять, почему в человеческой ипостаси у моей шевелюры далеко не такой насыщенный цвет, как в звериной. И глаза не желтые, а светло-карие. Да и зрачок совершенно обычный. Отчего так вышло? Богиня знает. Но факт в том, что до поры до времени в этом миниатюрном теле крайне сложно было заподозрить вторую ипостась.

В том числе и поэтому баскхов нелегко обнаружить: обычных оборотней видно издалека, а у нас нет особых примет. Быть может, только запах и выдает, если баскх сильно волнуется или боится.

Что еще о нас можно сказать?

Пожалуй, только то, что нас очень мало. Мы не любим сидеть на одном месте, и у нас нет раз и навсегда установленной территории для охоты. А еще говорят, что богиня-кошка вдохнула в нас частичку собственной силы. Насчет последнего ничего не могу сказать, не проверяла. Но кое-что мы действительно умеем, и за это нас в какой-то степени тоже боготворят.

Неожиданно в воде плеснула крупная рыбина, и мой зверь встрепенулся, вспомнив о том, что с утра так и не поел. Купаться в его планы, правда, сегодня не входило, но ради добычи он куда угодно полезет. Хоть в воду, хоть в гору и хоть на ближайшее дерево.

На какое-то время я не на шутку увлеклась рыбалкой, которая, как и большинству представителей семейства кошачьих, была мне по душе. А когда наелась, отмылась от чешуи и уже в человеческой ипостаси выбралась на берег, то обнаружила, что на берегу меня уже ждут. Вернее, ждет. Один очень-очень недовольный волк, буравящий меня хищно прищуренными глазами.

Остановившись у кромки воды, я окинула зверя внимательным взглядом.

Взлохмаченный, определенно злой. И, кажется, я уже знаю, кто скрывается под пепельно-серой с проседью шкурой.

Зачем ты искал меня, волк? Явившись в лагерь и обнаружив пропажу, забеспокоился? А может, разозлился, что упустил из виду? Неужто подумал, что я сбегу?

Волк, словно услышав мои мысли, предупреждающе рыкнул. И вот тогда я сугубо из вредности опустила на колени прямо в воду и кротко положила ладони на мокрые бедра.

А что? Сижу себе и сижу, никого не трогаю. Вся такая беззащитная и уязвимая. Мокрые волосы откинула назад и выпрямилась, совершенно не стесняясь обнаженной груди. Затем вытерла ладонью лицо. Снова игриво покосилась на волка. И, заметив, как тревожно дернулись его губы, насмешливо хмыкнула.

Ну? И что ты теперь будешь делать, дорогой? Нападешь? Ударишь? Рискнешь меня поранить? А если нет, то каким именно образом ты думал заставить меня вернуться в лагерь?

– Можешь приблизиться, – милостиво разрешила я, когда оборотень откровенно заколебался. В его глазах промелькнули удивление, раздражение, затем снова злость. Но в звериной ипостаси волки контролировали себя лучше нас, поэтому можно было не сомневаться – он полностью отдает отчет в своих действиях. И даже будучи очень злым, никогда не сделает того, о чем впоследствии пожалеет.

– Ну что же ты? – я улыбнулась шире и сделала приглашающий жест. – Неужели боишься? Меня? Не надо, я не кусаюсь. Подойди.

Огромный зверь набычился, ощетинился, из-под кончиков губ все-таки показались внушающие уважение клыки, но тем не менее он, хоть и неохотно, все же сделал к воде несколько неуверенных шагов.

– Ближе, – велела я, изучая его прищуренными глазами. – Вот так. Молодец.

Волк, тяжело дыша, подошел вплотную и замер, когда я подняла руку и пробежалась кончиками пальцев по его щеке. Правда, укусить не пытался. Только едва заметно вздрогнул. А потом шумно выдохнул и опустил голову, позволив мне без помех зарыться пальцами в густую шерсть и притянуть к лицу страшноватую морду.

– А ты красивый, – сообщила я, ненавязчиво почесывая его за ушами. Глаза у зверя, правда, оставались настороженными, непонимающими, но отстраниться он не пытался. Только дышал по-прежнему тяжело, с перерывами, будто делал очень нелегкую, прямо-таки непосильную работу.

Наконец я легонько хлопнула по тугому волчьему боку и поднялась.

– Ладно, уговорил. Идем обратно. Что-то тут прохладно стало.

Зверь растерянно вскинул голову, так что наши глаза оказались почти на одном уровне, но я уже выяснила что хотела, поэтому отвернулась и просто прошла мимо. Уже по пути услышала за спиной тяжелое дыхание. Мысленно хмыкнула, обнаружив, что зверь все-таки идет следом. И вот так, в сопровождении недовольно сопящего жоака, вернулась на поляну, где оборотням вздумалось устроить бивак.

К тому моменту оба волка успели не только проснуться, но и, судя по виноватому виду, схлопотали нехилый нагоняй от жоака. Роар при виде меня вспыхнул до корней волос, будто никогда раньше не видел обнаженных леди. Видать, и правда нецелованный. Ну да это ненадолго.

Подмигнув парню и вогнав его в еще большую краску, я с чувством выполненного долга опустила на плащ, под которым лежала моя одежда. Но прежде, чем я успела засмущать паренька окончательно, из-за деревьев выскользнула рослая тень, в мое лицо полетел чужой скомканный плащ, а знакомый голос прорычал:

– Оденься! Живо!

Я подняла глаза на уже успевшего натянуть штаны жоака.

– А то что?

Волк скрипнул зубами:

– Лучше тебе этого не знать.

Глава 3

Заставлять делать кошку то, чего она делать не хочет, – пожалуй, самая бессмысленная и бесполезная из всех затей, которые могли прийти волку в голову. Я вообще мало кому позволяла разговаривать со мной в таком тоне. Соответственно, слушаться не собиралась. А вместо того чтобы выполнить дурацкий приказ, плавным движением поднялась и, глядя вожаку в глаза, томно промурлыкала:

– Прости, я не расслышала, что ты сказал.

Из горла волка вырывался сдавленный бульк:

– Я велел тебе одеться!

Я уже говорила, что лохматые, когда хотят, способны передвигаться очень быстро? Так вот, вожак этой ночью удивил даже меня – буквально метнувшись через поляну, он вдавил меня в ближайшее дерево и, нависнув сверху тяжелой горой, прошипел:

– Теперь услышала?!

Вместо того чтобы испуганно пискнуть и присесть, я, напротив, дразняще ему улыбнулась:

– Если и услышала, то что с того?

– Я отдал тебе приказ!

– А ты заставь меня, – прошептала я, изогнувшись в пояснице и подавшись вперед.

От мимолетного прикосновения оборотень отшатнулся, словно его ударили. Я же демонстративно запрокинула голову, открывая уязвимую шею. Изогнулась еще больше, бессовестно искушая, приглашая, почти умоляя его дать мне повод сменить ипостась. А когда укуса так и не последовало, а хватка на плечах так же внезапно ослабла, негромко рассмеялась:

– В чем дело, лохматый? Не умеешь обращаться с женщинами?

Ответом мне стал приглушенный, откровенно угрожающий рык. Впрочем, волк и сейчас не набросился – в отношении дам у лохматых существовал свой кодекс чести, который они никогда не нарушали. Собственно, вожак быстро понял, что ничего со мной поделать не сможет. Ни в человеческой ипостаси, ни в звериной. А если не

понял, то уже начал догадываться, отчего рассвирепел еще больше. Едва не перекинулся во второй раз. И богиня знает, до чего мы бы с ним сегодня договорились, если бы пунцовый от смущения волчонок не попросил:

– Пожалуйста, миледи. Я очень вас прошу: оденьтесь.

Я милостиво кивнула:

– Только ради тебя, мальчик. Сложно устоять, когда мужчина использует такое оружие, как вежливость.

После чего вернулась к своему спальному месту, наклонилась, умышленно проделав это так, чтобы со спины смотрелось не просто соблазнительно, а в буквальном смысле слова сногшибательно. Затем без спешки набросила на себя рубашку. Усевшись на плащ, так же неспешно натянула белье, просторные штаны и новенькие кожаные сапожки. Наконец откинулась навзничь, забросила ногу на ногу и, сунув меж зубами сорванную травинку, сделала вид, что не замечаю сердито сопящих оборотней. И в упор не вижу горящих взглядов паренька, бросаемых на мою проступившую под тонкой тканью грудь.

На этом, можно сказать, конфликт был исчерпан, и остаток ночи прошел спокойно. Меня больше никто не трогал, ультиматумов не выдвигал. А поутру оборотни в полнейшем молчании свернули лагерь, навьючили отдохнувших за ночь лошадей и так же молча запрыгнули в седла.

Пока они собирались, я с равнодушным видом стояла в сторонке, все так же жуя несчастную травинку и лениво размышляя, а не пробежаться ли мне по лесу во второй ипостаси. Но нет. Едва лохматые закончили сборы, Роар забрал мой мешок и, устроив его на спине своей кобылки, не слишком уверенно протянул руку. После чего я решила, что будет гораздо интереснее снова испытать его терпение на прочность, чем пробираться сквозь бурелом самостоятельно.

Сесть вперед мне на этот раз не дали, но я, в общем-то, и не настаивала, к вящему облегчению волчонка. Когда кони тронулись, какое-то время даже посидела смирно, как лапочка. Ну, почти. Надо же было жертве дать время привыкнуть.

Рыжик, как и вчера, напрягся, ощутив на животе мои сомкнувшиеся ладошки. Затем заерзал, почувствовав на шее горячее дыхание. Аж закаменел весь, стоило мне начать тихонько мурлыкать у него над ухом. Но долго мучить его я не стала и, как только кони вернулись на дорогу, отпустила беднягу. Потом отстранилась и рассмеялась, услышав облегченный вздох паренька. Замолчала. Притихла. А еще через полчаса очень аккуратно сползла с лошадиного крупа и бесшумно соскочила на землю, гадая про себя, как быстро уставший от издевательств малец сообразит, что ему чего-то не хватает. И как много «ласковых» скажет ему обозлившийся с ночи вожак, когда поймет, что я опять его обманула.

Ну что? Засаекаем время и будем делать ставки на самого внимательного волка? Готова биться об заклад, что первый раунд будет за мной. А вот дальше... дальше как раз и начнется самое интересное.

Растянув губы в нехорошей усмешке, я отступила с дороги, немного прогулялась вдоль тракта и, отыскав первую попавшуюся полянку, с довольным видом плюхнулась на землю.

Ну? Где мои бравые волки?

Ага. Вот и они, родимые. Вон как копыта за кустами грохочут. Быстро же они очухались. Сразу повернули коней назад и, проломившись сквозь густой орешник, с разбегу выметнулись на облюбованную мною полянку.

– Миледи, вы в порядке?! – выдохнул рыжик, увидев, что меня никто не сожрал, а я просто мирно и спокойно собираю растущие в траве цветочки.

– Какого демона ты здесь делаешь?! – рявкнул прямо из седла вожак. Но я его нахально проигнорировала.

Третий волк неодобрительно покачал головой и придержал коня, чтобы не топтать ни в чем не повинную травку. А увидев, каким взглядом я смерила спрыгнувшего на землю собрата, предпочел попятиться назад вместе со скакуном и сделал вид, что вообще ни при чем.

– Ты... – процедил вожак, остановившись от меня на расстоянии вытянутой руки и раздавив сапогами совершенно очаровательный колокольчик. Мне как раз его не хватало для венка.

Хм. Какой невоспитанный волк... И нечего на меня так смотреть. Я еще ничего плохого не сделала. Сижу себе, плету венок, песенку под нос намурлыкиваю... у меня даже оружия при себе нет, представляете?

Встретив бешеный взгляд волка, я мило ему улыбнулась.

– Что?

– Вернись в седло, – с трудом взял себя в руки оборотень и все же сообразил на этот раз попросить, а не приказать. Тон, правда, выбрал не совсем верный, ну да ладно. Прощу на первый раз. Он ведь очень старался, правда?

Спрятав улыбку, я одним движением поднялась с земли и шагнула к обреченно вздохнувшему рыжику.

– Нет, – хмуро бросил вожак, протягивая мне руку. – Со мной поедешь... пожалуйста.

Ого. А он и правда поддается дрессировке!

Одарив мрачного до невозможности серого лучезарной улыбкой, я без возражений приняла чужую руку и едва не расхохоталась, когда он забрался в седло и усадил меня перед собой. Усвоил урок, молодец. Отсюда спрыгнуть незамеченной будет гораздо сложнее, чем с лошадиного крупа. Но я пока и не собиралась хулиганить. Хватит того, что у меня появилась новая «грелка» и очередной объект для изучения, с которым, признаться, было ну очень интересно поработать.

Правда, сразу доставать жоака я не стала – сперва надо было все хорошенько обдумать. Поэтому кони вместе с седоками успели и на тракт обратно выбраться, и приличное расстояние отмахать, а я все никак не могла решить, с чего же именно мне начинать приручать лохматого.

Ах да. Пожалуй, лучше начать с самого простого.

– Как тебя зовут? – поинтересовалась я, удобно лежа в кольце чужих рук и помахивая болтающейся на весу ножкой.

Вожак одарил меня сверху хмурым донельзя взглядом.

Ага. Значит, еще не понял, что к чему. Отлично, будем учить дальше.

– Ладно, – с легкостью отступилась я от упряма и, одним движением сев, поменяла положение так, чтобы развернуться к нему спиной. Попона у лошади оборотня оказалась замечательно широкой, плотной и как нельзя лучше подходила для моих целей. С такой конструкцией не составляло труда пристроиться к мужчине вплотную, прижаться так, что теснее некуда, и мысленно хихикнуть, услышав сзади отчетливый скрип зубов.

– Роа-а-ар, – чуть наклонившись вперед, позвала я и, когда едущий впереди рыжик обернулся, радостно ему помахала. – Можно тебя спросить?

– Конечно, миледи, – торопливо отозвался волчонок, кинув мне за спину настороженный взгляд. – Что вас интересует?

– Как зовут твоего спутника? – Я ткнула пальчиком в едущего рядом с парнем серого.

– Наран, миледи.

– А откуда он родом?

– С севера, миледи. Как и я.

– Ты же вроде степной, – удивилась я и поерзала, устраиваясь поудобнее. Мужчина за моей спиной вновь скрипнул зубами, но не проронил ни единого слова.

Рыжик, бросив в его сторону еще один настороженный взгляд, придержал поводья.

– Все верно, миледи. Но я полукровка. Моя мать родом из степных, а отец – чистокровный лесной волк.

Я присвистнула и откинулась назад, едва не стукнув жоака макушкой по зубам. Повезло – он успел отвернуться, но не всегда ему будет так везти. Даю слово.

– Вот оно как... а какое отношение ты имеешь к этим двум молчунам?

– Мы напарники, – пожал плечами волчонок. – Рокхет-орр уже лет десять как мой наставник. Наран его старый друг. Поэтому, когда настало время выбирать, куда идти, я отправился с ними. К друидам. Так с тех пор у них и живу.

Я коварно улыбнулась.

Ну надо же, какие интересные сведения сообщил мне мальчик. Значит, сопящего за моей спиной упряма зовут Рокхет? Отлично. А приставка «орр» означает, что в старой стае он имел и до сих пор имеет немалый вес. Более того, состоит в прямом родстве с нынешним вожаком, а в случае его смерти сможет наследовать высокий титул.

Интересно, какого демона он тогда служит друидам и болтается по миру, как обычный бродяга?

– А давно вы нанялись к «зеленым»? – снова поинтересовалась я, подтянув наверх одну ногу и поджав ее под себя.

Рыжик нервно улыбнулся:

– Да уже года три как.

– Немало, если учесть, что этих зануд даже месяц непросто вынести. А что там у них случилось, если не секрет? Зачем им понадобилась моя персона?

Волчонок мгновенно напрягся:

– Деталей не знаю. Об этом лучше у владыки спросить.

– А ты без деталей расскажи, – мурлыкнула я, откинувшись назад и буквально развалившись на широкой груди вожака. – В общих, так сказать, чертах.

Роар в третий раз на него покосился и, поколебавшись, кивнул.

– Я и правда мало знаю, миледи. Владыка не делился с нами подробностями, но у него возникли трудности во дворце. Вроде как в некоторых его комнатах стали болеть люди.

– Только люди? – встрепенулась я.

– Не только, – неохотно буркнул волк. – Про погибших не знаю, но что-то явно происходит. Что-то нехорошее, отчего друиды стараются туда не соваться. И раз владыка Эйлинон отправил за вами нас, значит, с этим «что-то» он не смог справиться сам.

Я ненадолго задумалась.

Весть была скверной. Друиды – прекрасные маги, а в одной конкретной области им, без преувеличения, нет равных. Все «зеленые» – прирожденные маги жизни. Долгоживущие, не подверженные обычным болезням и напастям, очень востребованные. Могущественные. И ценные для сопредельных государств настолько, что вот уже несколько тысяч лет северные леса считаются неприкосновенными.

А что, думаете, в наше время так просто добыть эликсир долголетия или излечиться от смертельной раны? Выслушать достоверное пророчество или за баснословные деньги приобрести ценное снадобье? От насморка или полового бессилия, от прыща на носу или несварения – друиды лечили все. И всех. И были в этом настолько хороши, что на другие их заморочки просто не обращали внимания.

– Все равно не понимаю, зачем вас прислали, – призналась я после небольшой паузы. – У меня нет ни капли магической силы. Все артефакты, которыми я когда-либо пользовалась, были созданы самими друидами. Все, чем я по-настоящему владею, это вторая ипостась. Но у «зеленых» такого добра и без меня хватает. Какой был смысл звать меня во дворец? Разве я могу для них что-то сделать?

– Владыка Эйлинон посчитал, что можете, – тихо ответил Роар, после чего я снова

задумалась и замолчала уже надолго.

* * *

Вскоре после полудня на нашем пути попало большое село. Собственно, за прошедший день это было далеко не первым и не последним населенным пунктом, где можно было остановиться. Да и вчера, полагаю, я несколько таких упустила из виду, пока спала. Но волки, обогнув по дуге все прочие, решили остановиться именно здесь. Правда, ненадолго. Только чтобы прикупить провизии и показать местному кузнецу лошадь Нарана, которая полчаса назад отчего-то решила охрометь.

Пока Наран занимался невезучей конягой, Рокхет и Роар свернули к постоялому двору. Народу внутри оказалось не протолкнуться, поэтому в дом ушел только вожак. Мы же с рыжиком остались снаружи, а я и вовсе решила прогуляться, чтобы размять ноги. Ехать верхом, даже в такой фривольной позе, в какой большую часть дня путешествовала я, было не слишком-то удобно. Спина у лошади оказалась слишком широкой для моих скромных размеров, ноги пришлось по очереди подтягивать под себя и потихоньку разминать. Частенько вертеться, перенося вес с одной ягодицы на другую. Доставлять тем самым дополнительные неудобства оборотню. В конце концов мне пришлось снова усестись поперек и практически развалиться на руках у лохматого. Однако расслабиться, когда он так выразительно сопит и косится, оказалось непросто. Так что я порядком устала и небольшую остановку восприняла как спасение.

– Эй, красотка! – окликнули меня, стоило лишь на минутку отойти от Роара. – Никак ножки затекли? А хочешь, я их тебе помну?

Я обернулась и скептически воззрилась на вышедшего из конюшни рослого мужчину. Здоровенный, нечесаный, заросший жесткими черными волосами до самого подбородка. Только что с дороги, отчетливо пахнущий конским и крепким мужским потом. Фу. Это ж каким козлом надо быть, чтобы, будучи в таком виде, предлагать даме интим?

– Что, не нравлюсь? – оскалил в хищной усмешке зубы мужик. – А то не стесняйся. Закидывай ножки на меня, и я тебя всю помну. Сверху и до самого низа.

Я наморщила носик.

Ах вот с чего мальчик такой дерзкий. Оказывается, он тут не один – услышав голоса, из конюшни вышли трое приятелей немывтого. А еще трое обернулись от самого крыльца. Одна шайка? Или правильнее сказать, свора, потому что, помимо всего прочего, ребята оказались оборотнями. Причем не из благородной волчьей породы, а самые что ни на есть псы. Наименее любимый мною подвид лохматых, от которых не стоило ждать ничего хорошего.

И верно: стоило мне демонстративно шагнуть под прикрытие рыжика, как вся свора гулко расхохоталась. Конечно, вторая лошадь стояла с пустым седлом, и ее, вероятно, посчитали моей. Так что, по их мнению, волк был один, молодой и еще не слишком опытный, а их против него целых семеро. Скверный расклад, правда? Само собой, они чувствовали себя уверенно. К тому же волки и псы издревле враждовали

друг с другом почти так же, как мы и с теми, и с другими. Но, бездна, как же все это было некстати!

– Так что, красавица? – продолжал настаивать чернявый. – Давай не ломайся. Бросай своего волка и айда к нам. Уж мы тебя не обидим. Слово даю. Даже заплатим сколько скажешь. Все честь по чести.

Роар зарычал, услышав неприкрытое оскорбление, а я растянула губы в нехорошей усмешке.

Что, решили укусить парня через меня? Понадеялись, что один он с вами не справится, а когда вступится – а он не мог за меня не вступить, – вы укокошите его прямо тут, у всех на виду, да еще с полным на то основанием?

Хм.

Может, у баскхов не самая лучшая репутация в мире и в другое время, стоило признать, гнусный намек этого уroda вполне мог попасть в цель. Но, во-первых, не все кошки одинаковые. Во-вторых, даже если мы и любим менять половых партнеров, это сугубо наше личное дело. Наконец, в-третьих, никто не давал право дворовому псу называть меня продажной девкой.

Пожалуй, я могу себе позволить самую капельку на него рассердиться.

– Сколько скажу, значит? – переспросила я, оценивающе оглядев неумытого. Тот с готовностью осклабился. – Хм. Все до последней капли выплатишь? Я правильно тебя поняла?

– Слово чести. Да, парни?

Я немного подумала и была вынуждена признать:

– Заманчиво.

Вся свора в ответ радостно гоготнула. Рыжик, наоборот, помрачнел еще больше и потянулся к оружию, но я мягким движением его остановила:

– Не нужно. Думаю, мы договоримся. Не вмешивайся... пожалуйста.

Роар шумно раздул ноздри, ощетинился, в его зрачках метнулось недоброе пламя, но руку от меча он все же убрал.

Молодец. Чуйка на неприятности у него все-таки есть.

Я же тем временем подошла к скалящейся своре и, снизу вверх взглянув на рослого пса, который затеял эту нелепую ссору, хищно прищурилась. Затем краем глаза подметила, как из дома вышло несколько потенциальных свидетелей. Убедилась, что среди них нет нашего свирепого вожака, и громко сказала:

– Господа, поскольку вы изволили проявить настойчивость, то считаю себя вправе согласиться на ваши условия. Как вы и просили, я оставила своего спутника, и в самое ближайшее время все мое внимание будет всецело принадлежать только вам. Взамен вы готовы уплатить назначенную мною виру. Все верно?

– Да, – ухмыльнулся чернявый.

– И у вас не будет никаких претензий, если сделка свершится, как было озвучено?

– Абсолютно никаких.

Я обвела спокойным взглядом всю свору:

– Вы все так считаете?

Псы неожиданно заколебались, но азарт все же взял верх, и они с готовностью закивали, предвкушая славное развлечение. И вот тогда я улыбнулась. А когда чернявый попытался схватить меня за руку, молниеносно отклонилась и, выбросив вперед правую руку, одним движением воткнула ее в грудь клыкастому недоумку.

Хорошо так воткнула. До хруста. До победного воя радостно встрепенувшегося зверя. Так, что мои согнутые и увенчанные когтями пальцы без труда пробили ребра и, сомкнувшись вокруг судорожно дернувшегося сердца, так же быстро вернулись обратно.

От удара пес вздрогнул, неверяще распахнув глаза, и просипел что-то невразумительное. Его лицо мгновенно посерело, затем побелело и буквально закаменело, словно он никак не мог осознать случившееся. На какой-то миг наши взгляды встретились, и он снова открыл рот, словно собирался что-то крикнуть при виде моих пожелтевших глаз. Но перевел помертвевший взгляд на появившийся в моей руке окровавленный комок. Сдавленно захрипел, забулькал, захлебываясь хлынувшей горлом кровью. И в оглушительной тишине медленно завалился навзничь. Прямо под ноги оторопевшим подельникам, на глазах которых я только что вырвала еще живое сердце.

– Что здесь происходит?! – буквально на миг опоздал выскочивший на крыльцо Рокхет и непроизвольно замер при виде кровожадно оскалившейся меня.

Я же тем временем бросила сердце на развороченную грудную клетку. Демонстративно любовалась окровавленными пальцами, на концах которых заблестели немаленькие когти. И подчеркнуто медленно слизнув с одного из них еще теплую кровь, негромко мурлыкнула:

– Вира уплачена.

Глава 4

Из села нам пришлось уехать гораздо позже намеченного срока, но даже прибывший на место происшествия староста, одновременно исполняющий и обязанности судьи, был вынужден признать, что мои действия не противоречили закону.

Условия были дважды озвучены и дважды подтверждены. Ну а то, что больной на всю

голову пес не признал во мне баскха и посмел оскорбить при свидетелях, или же то, что он не соизволил уточнить детали так называемой сделки, было уже не моей проблемой. Я поступила так, как считала нужным, и так, как лохматый того заслуживал.

После этого в нашей маленькой группе воцарилось некоторое – вполне объяснимое, надо признать, – напряжение, но я сделала вид, что не заметила, какими глазами на меня теперь смотрел Роар. Оно и понятно – баскхов в нашем мире, как я уже говорила, единицы, и мало кто мог похвастать, что знаком с кем-то из нас. Еще меньше тех, кто после этого сохранил здоровье, но в целом мы не особенно злые. Хотя, конечно, верили в это не все.

За ворота мы выехали все в том же гробовом молчании, провожаемые настороженными и откровенно испуганными взглядами селян. Но я не считала, что перегнула палку, хотя, конечно, сам факт частичной и почти мгновенной трансформации даже у них должен был вызвать искреннее непонимание.

Лесные тоже косились на меня с подозрением. А едва кони выбрались за пределы села, пришпорили скакунов, стремясь как можно дальше оказаться от места ссоры, скопления людей и до крайности недовольной собачьей своры, которую сегодня больно щелкнули по носу.

Единственным положительным следствием моего поступка было резкое изменение отношений с Рокхетом и его подчеркнуто вежливое обращение к моей жестокосердной персоне. Теперь, когда он своими глазами увидел, на что я способна, волк соблюдал максимальную осторожность и гораздо более цепко следил за тем, где лежат мои руки. Еще более внимательно он стал относиться к моим маленьким просьбам. И вообще стал вести себя как благоразумный оборотень, сумев до самого вечера ничем не огорчить впавшую в глубокую задумчивость даму.

К несчастью, лошадку Нарана нам пришлось заменить, потому что его коняшка все-таки умудрилась потянуть связку и была не в состоянии продолжать путь. Ее, разумеется, продали все в том же селе, купив взамен гораздо менее выносливую и совсем непривычную к оборотням клячу. Всю дорогу она испуганно косилась на седока, время от времени пыталась брыкаться, страхась мощного звериного духа. Само собой, быстро устала. Так что еще до наступления сумерек жожаку пришлось объявить привал, чтобы не остаться посреди леса всего с двумя живыми лошадьми вместо трех.

Это было разумное, хотя и не совсем уместное решение, ведь по большому счету до друидов мы могли пробежаться и в звериных ипостасях. Ну и что, что волкам долгое пребывание во втором обличье не рекомендовалось? Сколько тут бежать-то? Неделя? Полторы? Если побольше есть и поменьше спать, то еще и раньше управимся.

Однако Рокхет рассудил иначе, поэтому нам все-таки пришлось сделать привал.

Я и на этот раз в обустройстве лагеря никакого участия не принимала. Но мужчины и без меня распрекрасно справились. Обязанности между ними были давно распределены, еды они тоже купили достаточно, так что в охоте не было необходимости. Хотя я бы, если честно, не отказалась: тот дурак раззадорил моего зверя, и теперь кровожадная натура требовала крови. Без разницы чьей.

Интересно, если поутру кляча Нарана не захочет продолжать путь, мне позволят ее загрызть?

– Даже не думай, – буркнул Рокхет, перехватив мой выразительный взгляд в сторону кустов, за которыми стреножили лошадей.

Эх. Ну нет так нет.

– Куда-то собралась? – снова насторожился вожак, когда я гибким движением поднялась и выразительно пригнулась.

– На охоту. Ты против? Или, может, желаешь составить компанию?

Под моим насмешливым взглядом серый неожиданно смешался.

– Не стоит, дружище, – чуть ли не впервые за два дня подал голос Наран. – Что-то мне подсказывает, что, если добычи в лесу не будет, она тебя же первого и сожрет.

– Фи, как некрасиво в подобном тоне отзываться о даме, – кокетливо поправила волосы я. – Вообще-то я оборотнями не питаюсь. Честное кошачье.

– Ну да, – хмыкнул Роар. – Пока не успела проголодаться.

Я кинула на него недовольный взгляд:

– И ты туда же, да?

– Простите, миледи, – тут же повинулся рыжик. – Ваше умение вырывать у людей сердца произвело на меня неизгладимое впечатление. Поэтому я заранее прошу прощения за все прегрешения, которые вольно или невольно успел сделать или еще сделаю за время нашего совместного путешествия.

Я прищурилась:

– Подлизываешься?

– Проявляю разумную осторожность, – поправил меня Роар, но в его глазах искрились смешинки.

Я милостиво кивнула:

– Тогда ладно. Прощаю. И даю слово, что в случае чего тебя буду кусать последним.

Рыжик от такого обещания поперхнулся лепешкой, Наран предпочел подвинуться так, чтобы лучше меня видеть. И только Рокхет на грубоватую шутку ничего не сказал. Но он вообще сегодня был на удивление молчаливым. Не говоря о том, что на охоту меня отпустили без возражений и ни словечка поперек не сказали, когда часа через два я вернулась. Угу. Снова – без одежды, зато сытая и вполне довольная жизнью.

– Миледи, можно вопрос? – осторожно поинтересовался Роар, когда я с удовлетворенным вздохом растянулась на чьем-то плаще и честно собралась подремать.

Пришлось приоткрыть один глаз:

– Какой?

– Все баскхи похожи на вас? – блестя глазами, спросил волчонок.

Я почесала затылок, но все же была вынуждена признать:

– Полагаю, что так.

– И все могут, как вы, трансформироваться частично и в любое время дня и ночи?

– Угу. Хотя раньше и остальные коты так могли, – ради справедливости заметила я.

– Но любовь к сексуальным экспериментам лишила их этой привилегии, поэтому сейчас частичная трансформация доступна очень немногим.

– Значит, легенды не врут... – задумчиво протянул из темноты Наран и тут же спохватился: – Простите мой интерес, миледи, но нам до сих пор не доводилось сталкиваться с баскхами. Вы совсем не похожи на оборотня. Да и пахнете совершенно обычно.

Я снова угукнула: комментировать очевидные вещи было лень.

– А что вы еще умеете? – подавшись вперед, жадно посмотрел на меня волчонок. – Правда, что вы крупнее остальных кошек?

– Правда.

– И сильнее тоже?

– Да как сказать... среди горных котов тоже иногда встречаются достойные экземпляры, – невольно улыбнулась я и снова прикрыла веки. – Но, к сожалению, сейчас нечасто встретишь кота, который может сравняться в холке хотя бы с волком. Отец Ниал, к слову, в эту категорию попадает.

– А вы? – настороженно уточнил Наран.

– Моя вторая ипостась еще крупнее.

– Намного?

– Желаете проверить?

Оборотень откровенно задумался, но потом все же мотнул головой:

– Пожалуй, не сейчас.

– Ну и правильно, – сладко зевнула я. – Ночь – это время зверя. А мой, в отличие от ваших, все еще не приручен. И поскольку вы для него чужие, то не стоит проверять его выдержку.

Волки беспокойно переглянулись.

– В каком смысле не приручен? – озвучил их общий вопрос Наран. – Хотите сказать, вы его не контролируете?!

Я снова зевнула:

– Ну почему же? Контролирую. Если договоримся. А если нет, то рядом с ним лучше не появляться. Все, что выходит за рамки его понимания, неизбежно трактуется как враждебное.

Волки переглянулись снова. На этот раз – совсем тревожно, но я могла их понять. Когда рядом с тобой день и ночь находится неадекватный сородич, не способный справиться со своим зверем, дело дрянь. Утративший контроль оборотень опасен для себя и других. Поэтому у себя в лесах волки таких убивают, считая это актом милосердия.

Проблема в том, что у нас с ними разный подход к восприятию вторых ипостасей. Лохматые годами приучают своих зверей к покорности. Сперва ломают им хребты и потом всю жизнь на них ездят, позволяя лишь минимум того, на что они в действительности способны. А мой зверь, как бы ужасно это ни звучало, до сих пор свободен. Гуляет где хочет. Делает что вздумается. За это он бесконечно мне благодарен, чаще всего соглашается проявить послушание, всецело доверяет моему мнению и позволяет без ограничений использовать его силу нам обоим во благо.

Вот, собственно, и весь невеликий секрет. Но волкам, как мне кажется, этого не понять. Даже коты – разнузданные, свободолюбивые и плюющие на ограничения коты – не рискуют делать то, что позволяют себе баскхи. Их зверь, хоть и чувствует себя вольготнее, чем у других видов, все же ощущает на шее невидимую удавку. Каждый день. Каждую ночь. Как неприрученный, но увечный зверь, чьим мнением никто не интересуется.

Меня это всегда раздражало, но и вмешиваться, по большому счету, я не имела права. Каждый из нас сам выбрал свою дорогу. И сам должен был решить, какой длины поводок отмерить живущему внутри зверю. Ниал, к примеру, сделал свой поводок настолько длинным, насколько вообще смог, за что и получил некоторые привилегии. А остальные... что ж, Иллари им судья.

– Миледи, а вы не боитесь, что он возьмет верх? – после долгой паузы все же рискнул задать новый вопрос Роар.

Я, не открывая глаз, фыркнула:

– Не больше, чем тебя.

– Но ведь это опасно!

Я скривилась, однако на этот раз отвечать не стала.

Опасно держать зверя на поводке, наивно считая, что он никогда не сорвется.

Опасно ломать ему волю к жизни и потом ждать, что он сумеет оказать какую-то помощь.

Больные и увечные оборотни, не признающие собственной ущербности, – вот настоящий бич нашего мира. Его самое больше горе и его же проклятие. Но я, к сожалению, ничего не могла изменить и уже давно не испытывала ни малейшего желания спорить. Хотя для тех, кто захотел бы попробовать жить иначе, была готова помочь всем,

чем могла.

– Чужие, – вдруг встрепенулся почти затерявшийся в темноте Рокхет, когда я уже почти задремала, а волки надолго задумались.

– Что? – недоверчиво принялся Роар, а Наран просто молча потянулся к оружию.

– Где-то недалеко чужие, – после напряженной паузы повторил вожак, расправляя плечи и поднимаясь на ноги. – Вставайте. Разбирайте оружие. Кажется, поспать этой ночью нам не дадут.

* * *

Рокхету я поверила сразу: у волков даже в человеческом обличье гораздо более чуткое обоняние, чем у нас. А вот насчет оружия это точно не ко мне, потому что такие, как я, кроме зубов и когтей, ничего при себе не носили. Зато лохматые, наоборот, привычно ошетинились сталью, достали из сумок кожаные доспехи и быстро облачились, к моему искреннему недоумению. Зачем, спрашивается, оборотню железки и броня, когда о нем уже природа позаботилась?

Впрочем, спорить я и сейчас не стала. Только отступила в сторонку. Пока волки были заняты собой, быстренько поменяла форму и ускользнула в темноту, чтобышний раз не искушать заскребшегося в нетерпении зверя.

«Тихо сиди, – велела я, тенью метнувшись за кусты и по-быстрому обежав поляну. – Когда понадобишься, позову. И будь добр, не забудь, что мы не одни».

Тлеющий в моем сознании посторонний комок, в котором пряталась звериная сущность, понятливо умолк. Сейчас в его свирепости и силе мы не нуждались – на охоте в первую очередь требовались рассудительность, осторожность и умение анализировать. А это, как ни крути, свойства человеческого разума, так что зверь не протестовал. Но на всякий случай приготовился ко всему.

Вскоре ветер донес до моего носа шесть посторонних запахов.

Увы. Именно шесть, и ни одним меньше. Похоже, свора того шелудивого пса все же решила поквитаться. Хотя, если честно, не знаю, на что они надеялись, если один волк без преувеличения стоил троих таких неумытых, а вместе со мной псам и вовсе ничего не светило. Разве что они приготовили для нас неприятный сюрприз?

Опустившись на брюхо, я прижалась к земле и дальше принялась подкрадываться медленно, осторожно, таясь, словно рядом с дичью на охоте, и не производя ни малейшего шума.

Псы, как и ожидалось, шли от дороги. Благо ветер дул как раз в ту сторону и они могли не опасаться, что будут обнаружены раньше времени.

Как я и подозревала, все они находились в человеческих ипостасях, но почему-то шли, практически не скрываясь. Хотя нет... шли по лесу всего пятеро, с арбалетами

наперевес. Тогда как шестой... а где, кстати, шестой? Я же учуяла его запах, но пока не увидела за деревьями! Ах вот он, родимый. Топают чуть в стороне и тащит в руке какую-то железку.

Что ж, удачный выбор. Тяжелых кольчуг лохматые не носили, а против кожаной брони арбалетный болт что остро заточенная игла против тонкого шелка – прорвет и не заметит. Но сейчас мы на них не нападём. Просто потому, что мне по-прежнему непонятно, в чем подвох. Даже с наличием арбалетов силы были явно неравны, и псы не могли не сознавать этого очевидного факта. Однако они все-таки шли к нашему лагерю. Причем уверенно. Нагло. Напрямик. И мне очень хотелось знать, что за козырь у них припрятан в рукаве.

Позволив им пройти мимо, я не в первый и не в последний раз порадовалась, что не имею характерного для обычных оборотней запаха, и двинулась следом, внимательно присматриваясь и прислушиваясь. В преддверии грядущей бойни даже ветерок, казалось, тревожно утих. Листва на деревьях перестала шептаться. А на удивление ярко сияющая луна пугливо спряталась за набежавшее облачко.

Когда же псы добрались до поляны и встретили стоящих спина к спине волков, я раздраженно поморщилась.

Вот и ответ, отчего псы вели себя так беспечно, а волки, наоборот, опасно промедлили. У лохматых имелась масса положительных сторон: верность слову и долгу, умение четко выполнять приказы, сила, скорость, прекрасные способности к владению холодным оружием. А еще трепетное отношение к самкам и совершенно бесподобное, местами даже немыслимое для нелюдей благородство. Но тут-то и крылась самая главная проблема. Из волков с их своеобразным понятием чести получались прекрасные спутники жизни, заботливые мужья, великолепные отцы, умелые защитники и надежные охранники, но, к моему великому сожалению, скверные разведчики и стрелки. Арбалетами волки принципиально не пользовались – это, видите ли, неблагородно. Просто пойти и прирезать кого-то тихой темной ночью – это им тоже было не по душе. Мохнатым эстетам, понимаешь ли, только честный бой подавай. Чтобы лицом к лицу, глаза в глаза...

А псы такими мелочами не заморачивались.

Надо лежачего ударить – пожалуйста. Пырнуть ножом безоружного – вообще не проблема! За это их частенько называли не псами, а шакалами. За это же их породу мало кто уважал, но в определенных кругах их таланты ценились на вес золота. В этом смысле волки с их строгими принципами и никому не нужным благородством, как бы это помягче сказать, морально устарели. За что и будут сегодня расплачиваться. Если я им, конечно, не помогу.

А вот псы не боялись, что еще больше настораживало в плане подвоха. О том, что их встречают, тоже, естественно, догадались, но почему-то позволили себе подойти почти вплотную и демонстративно наставили на идейных противников заряженные арбалеты.

В один-единственный миг мир словно замер, давая нелюдям последний шанс одуматься и остановиться. Миг абсолютно мертвой, воистину оглушающей тишины, во время которой никто из присутствующих не сделал ни одного движения.

А потом тишина буквально взорвалась, и всего за один-единственный удар сердца произошло сразу несколько вещей.

Во-первых, волки одним слаженным движением рассыпались в стороны, чтобы арбалетный залп не лег слишком кучно и дабы иметь достаточное пространство для маневра.

Во-вторых, украдкой выглянувшая из-за облачка луна ненароком подсветила головки нацеленных в лохматых болтов, посеребрив их до отвращения знакомым блеском.

В-третьих, стоящий от меня дальше всех урод незаметно начал приподнимать свою непонятную железку, целясь Роару в грудь.

Наконец, в-четвертых, до меня все же дошло, что в деле участвует магия, а это, в свою очередь, моментально возводило невооруженного и неопасного с виду пса в ранг чрезвычайно важной цели. Быть может, даже важнейшей цели, которую устранять надо в первую очередь. Потому что если серебро нас всего лишь ранит и, застревая в телах, не позволяет совершить полноценный оборот, то магия убивает.

Вот почему псы вели себя настолько беспечно. И вот по какой причине волки не стали менять ипостась раньше времени: если серебряное оружие застанет их в человеческих телах, то лохматые всего лишь временно утратят способность принимать звериную форму. А если они будут в волчьих ипостасях, то велика вероятность, что зверь попросту сойдет с ума. И тогда в мире появятся еще несколько полоумных нелюдей, шансов вернуть которых к нормальной жизни будет катастрофически мало.

Я об этом, к сожалению, не подумала, потому что в последние годы слишком мало интересовалась людскими делами и позабыла, что такое оружие уже давно вошло в обиход, причем не только в королевской армии. А вот волки помнили. И не зная, кто именно и с какими «подарками» решил пожаловать, предпочли не рисковать.

Все эти мысли промелькнули в моей лохматой голове практически одновременно. Но еще до того, как они окончательно оформились, выпущенный на свободу зверь стремительно прыгнул, а пятеро псов практически одновременно спустили арбалетные скобы.

К несчастью, урод с магической железкой стоял слишком далеко, чтобы я избавилась от него прямо в прыжке. Пока арбалетные болты искали свои цели, я все еще летела ему наперерез. И лишь в самый последний момент, когда этот гад уже порывался нажать виднеющийся сбоку рычажок, я сбила его с ног, вмяла в траву и одним движением откусила голову.

Дальше раздумывать было некогда, поэтому, выронив из пасти чужую башку, я снова прыгнула, не обращая внимания на раздающиеся тут и там вопли. Кто орал, было неважно. Но вот что я успела заметить, это то, что Роар все-таки упал. Наран, кажется, увернулся от залпа. А пятеро оставшихся в живых псов отбросили ставшие бесполезными железки и один за другим начали трансформироваться.

Вы когда-нибудь видели, как происходит оборот у обычных нелюдей?

Ну и хорошо, что не видели, потому что зрелище, надо признать, не для слабонервных. Хруст костей, выламывающая тело боль, жутковато изогнутые конечности и стремительно вытягивающееся, страшновато деформированное лицо, которое прямо на глазах обрастает шерстью и превращается в звериную морду.

Обычно этот процесс проходит тяжело, до крайности болезненно и неоправданно долго, что не только неудобно, но порой и опасно. Однако сегодня ни у волков, ни у псов не было времени на раздумья, поэтому смена формы происходила бурно, с воем, рыком, брызгами крови и летящими в стороны ошметками плоти, которые стали ценой за ускоренную смену ипостаси.

Не успев толком опомниться, псы рванули к отчего-то замешкавшимся противникам. Правда, одного из них я успела зацепить когтями, поэтому в атаку ринулись уже четыре оборотня. Но для ощетинившегося сталью Нарана и этого было слишком много. Тогда как Рокхет...

А где, кстати, Рокхет?

– Ур-р-р! – с ревом метнулся наперерез псам успевший принять боевую форму вожак, и у меня немного отлегло от сердца.

Значит, серебро его не зацепило. Отлично, плюс одна боевая единица в отряде.

«Свой», – на всякий случай шепнула я зверю, но тот уже ничего не слышал. С ревом и хрустом врুবившись в ряды смешавшихся псов, он безостановочно рвал зубами и когтями все, что только попадалось под руку.

Пепельно-серый волк от него не отставал, и на совсем короткий промежуток времени на поляне воцарился полный сумбур. В котором испуганно ржали стреноженные неподалеку кони. Жалобно выли заживо раздираемые на части псы. Бешено хрипел отчаянно сражающийся за жизнь седой вожак. И победно выл мой беснующийся от крови зверь, которого вид умирающих врагов подчас превращал в настоящего монстра.

Все закончилось в считанные мгновения – круговерть оскаленных пастей, брызжущие во все стороны кровавые фонтаны, крики, вой... а потом на поляну вновь опустилась тишина. Причем настолько полная, что раздавшийся в ней щелчок сдвигаемого с места рычажка показался мне оглушающе громким. После чего я тревожно обернулась. Зверь, почуяв неладное, метнулся в сторону недобитого, уже успевшего принять человеческую ипостась обрубка, который каким-то чудом сумел подтянуться на руках и добраться до брошенной первым уродом металлической палки. Я еще успела осознать, что ее острие, на котором уже вспух и метнулся через всю поляну неприятного вида черный шар, нацелено мне точно в грудь. А потом...

Что-то с невероятной силой врезалось мне в бок, отбрасывая с траектории удара.

Я негодуяще вскрикнула, больно приложилась затылком обо что-то твердое. Непроизвольно зажмурилась, когда на поляне ослепительно полыхнуло. А после того как в глазах перестали плясать черные точки, я обнаружила, что все еще жива, не ранена. Только башка гудит от мощного удара о дерево. А возле моих ног стремительно съезживается, возвращаясь в человеческое обличье, обнаженное мужское тело с безобразным черным пятном на груди, расплывающимся с ужасающей скоростью.

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке

автора: <https://www.litres.ru/aleksandra-lisina/bas-lubimica-illari/>